

В.В. Трухачев

О БРАТСТВЕ СССР И ЮГОСЛАВИИ

(Рецензия на книгу: *Романенко С.А.* Между «пролетарским интернационализмом» и «славянским братством».

Российско-югославские отношения в контексте этнополитических конфликтов в Средней Европе. От начала XX в. до 1991 г.
М.: НЛО, 2011. 1013 с.)

Автор является крупнейшим специалистом по истории бывшей Югославии. В сферу его научных интересов входит период с XIX по XXI вв. С.А. Романенко написал десятки монографий, статей по означенной теме, многие из которых переведены на другие языки. Он по праву остается одним из самых востребованных отечественных югославистов, которого широко цитируют как в научном сообществе, так и в средствах массовой информации.

В центре нынешнего повествования оказались судьба и взаимозависимость многонациональных государств: двух империй – Российской и Австро-Венгерской, двух социалистических федераций – СССР и Югославии. Автор последовательно анализировал соотношение этнического национализма, патриотизма и пролетарского интернационализма на протяжении почти всего XX в.

Основной посыл книги – стремление вывести читателя из плена мифов, предрассудков, пропагандистских схем, касающихся развития отношений Российской империи, СССР и современной РФ с народами бывшей Югославии. Такого рода мифы существовали и до Октябрьской революции, и в советское время, имеются они и в наши дни. Благодаря книге С.А. Романенко на многие вроде бы известные события можно взглянуть по-иному, отойдя от прочно закрепившихся в массовом сознании стереотипов и упрощенных схем.

При создании монографии автор задействовал обширнейший пласт источников самого разного происхождения – официальные документы, периодику, мемуары участников событий. Наряду с давно известными и использованными официальной советской и югославской историографией и источниками, он опирается на большое количество официальных документов и воспоминаний

участников событий разных лет, опубликованных в России, Боснии и Герцеговине, Сербии, Словении, Хорватии, Черногории в 1990-е – начале 2000-х гг. Огромное внимание автор уделил и историографии. Причем ее анализ удивительно гармонично оказался вписан в основное повествование, дополняя его. Но при всей своей фундаментальности работа написана легким и доступным языком. Она рассчитана не только на человека, занимающегося историей, политологией или политэкономией.

Обращает на себя внимание обильное цитирование источников, и такой подход представляется совершенно оправданным. Он помогает в полной мере и проследить хронологию событий, и показать разные стороны того или иного конфликта в советско-югославских отношениях, и выявить особенности точек зрения отдельных политиков. Подробное приведение текстов источников делает более понятными психологические мотивы поведения каждой из сторон и приоткрывает читателям доступ к документам и литературе.

Когда задействуется такой огромный массив документов и литературы, порой легко скатиться к простому их перечислению и приведению, избегая собственных выводов. К книге С.А. Романенко это не относится совершенно. На протяжении всего повествования четко прослеживается авторское мнение, а авторские оценки того или иного политического деятеля или политики государства в целом порой выглядят жестко. Однако работа от этого только выигрывает, ведь именно такие оценки делают ее интересной для довольно широкого круга читателей.

Книга поражает своим объемом, но в ней крайне трудно найти лишнее слово. Если пренебречь тем или иным документом, не включить его в повествование, картина развития советско-югославских (а ранее – русско-югославянских) отношений станет неполной. Монографию невозможно читать, просто листая и пробегая глазами по страницам. Каждый абзац несет в себе смысловую нагрузку, и без него просто станут непонятны выводы как по отдельным главам, так и по монографии в целом.

Автор справедливо остановился на таких темах, как «славянское братство» и «этнический национализм». Без изучения славянофильских идей, без рассмотрения темы панславизма и славянского братства невозможно представить себе исследование советско-югославских или же русско-югославянских отношений. К данным словосочетаниям апеллируют как политики, так и ученые и на постсоветском, и на постюгославском пространстве. На всем протяжении работы просматривается критическое отношение автора к данной теме.

Вполне оправданным выглядит и обращение к теме национализма, его специфике у южнославянских народов (с. 12–18). Весьма любопытно рассмотрение того, как у южных славян сочетались широкая югославянская и узконаправленная националистическая идеи. Автор также подробно остановился на разборе таких явлений, как «панславизм», «австрославизм», особенности развития учения К. Маркса у южных славян (с. 22–29). Без такого анализа понять суть югославской политики и действий политиков крайне затруднительно.

Буквально с первых же строк в первой главе автор принялся развенчивать миф о том, что для России в Первой мировой войне Сербия имела первостепенное значение (с. 40–44). Знаменитый генерал А.А. Брусилов открыто говорил о том, что о сербах в России знают очень мало (с. 42). Весьма поверхностное представление о южных славянах имели и большевики. В частности автор указывает на существенную недооценку большевиками уровня национализма южных славян (с. 51). Между тем этот национализм еще неоднократно даст о себе знать.

Исследователь подробно рассмотрел вопрос о том, как вожди большевиков формировали свой подход к Балканам (с. 85–92). В.И. Ленин, Л.Д. Троцкий, Г.Е. Зиновьев и Л.Б. Каменев (работы двух последних большевистских деятелей были прочно забыты и в рецензируемой книге вновь введены в научный оборот) рассуждали о том, как обустроить регион, реальную историю и традиции которого недостаточно знали и понимали, в своем анализе исходя преимущественно из марксистских догм и поставленной цели – социалистической революции. Вслед за социал-демократами балканских стран они считали, что решение своих проблем народы региона смогут найти в рамках федерации и что Сербия «заведомо подчиненной частицей войдет в великую игру капиталистических гигантов» (с. 88).

Автор показал развитие социал-демократического, позднее коммунистического движения у южных славян. И отметил некоторое пренебрежение, которое сквозило у вождей ВКП(б) по отношению к ним. Так, В.И. Ленин, несмотря на настойчивые просьбы южнославянских товарищей, так и не написал им письмо – в то время как к английским, американским, французским, немецким и польским товарищам он обратился (с. 116). Возможно, югославские коммунисты в тот момент затаили обиду, которая потом обернулась конфликтом между двумя братскими партиями.

Не ускользнуло от внимания автора и отношение к Сербии со стороны деятелей Белого движения. Он всячески подчеркивает

«славянские фантазии» А.И. Деникина, Б.В. Савинкова (с. 111–112), где сербы виделись в числе ключевых союзников в борьбе с большевиками. Отчасти так оно и было – автор привел множество примеров, когда сербы помогали белым. Так, они помогли А.Ф. Керенскому бежать из Петрограда, приютили у себя многих белоэмигрантов, а отдельные сербские части поучаствовали в интервенции против Советской России (с. 111–114).

Первую главу венчает экскурс в историю югославянских народов (с. 117–139). Представляется, что его следовало бы переставить в начало главы, именно с него начать повествование, чтобы не очень подготовленный читатель сразу смог оценить особенности развития югославянских народов – сербов, хорватов, словенцев, боснийских мусульман и т. д.

Основываясь на множестве фактов, С.А. Романенко делает вывод, что «создание единого государства южных славян – Королевства сербов, хорватов и словенцев (СХС. – *В. Т.*) – не было поддержано единодушно» (с. 137). С самого начала возникновению такого государства сопротивлялись видные хорватские политики. В итоге сербско-хорватское противостояние, дополненное непростыми отношениями между другими народами, предопределило то, что королевство (будущая Югославия) на протяжении всего своего существования оказалось государством непрочным, раздираемым внутренними противоречиями.

Самой объемной в книге является вторая глава, где рассматриваются особенности отношений между Советским Союзом и королевской Югославией в 1920 – начале 1940-х гг. Из анализа, выполненного исследователем, становится ясно, почему дипломатические отношения между двумя государствами удалось установить только в 1940 г. Этому способствовало сразу несколько факторов, каждый из которых не позволял считать советско-югославские отношения хорошими.

Первый фактор – заигрывания большевиков с национальными движениями внутри Королевства СХС – Югославии. Автор отмечает, что в 1920-е гг. «РКП(б) – ВКП(б) и СССР использовали национальные движения южнославянских народов против монархии Карагеоргиевичей» (с. 156). В этой связи особенно интересны контакты большевиков с лидером Хорватской республиканской крестьянской партии (ХКРП) Степаном Радичем (с. 220–228), а также 4-й съезд Компартии Югославии в 1928 г., где прямо говорилось о праве Хорватии, Словении и Македонии на независимость (с. 203–204).

Второй фактор – связи югославской королевской семьи с Романовыми (их автор подробно разобрал на с. 185) и наличие в Югос-

лавии огромного числа русских эмигрантов (с. 272–282). Многие из них были монархистами, убежденными антикоммунистами. В частности П.В. Струве хотел видеть в эмиграции движение «за освобождение от Коммунистического интернационала» (с. 277). Да и сам факт установления отношений с Советским Союзом воспринимали как предательство своего дела.

Автор подробно анализировал различные точки зрения в отношении СССР и России, существовавшие у южных славян в 1920–1930-е гг. Наибольшего внимания заслуживают высказывания бывшего министра внутренних дел Светозара Прибичевича, а также будущих лидеров коллаборационистов в годы Второй мировой войны – серба Димитрие Летича и вождя хорватских усташей Анте Павелича. Разброс мнений, существовавший в Югославии того времени, автор метко назвал ««Россия-матушка» или «Совдепия»?» (с. 282).

Потому вполне логично, что в 1941 г. Советский Союз повел себя иначе, нежели Российская империя (с. 323). Хотя в 1940 г. между двумя странами были установлены дипломатические отношения, а 5 апреля СССР и Югославия подписали договор о дружбе и ненападении, защищать Югославию от агрессии со стороны Третьего рейха и его сателлитов Советский Союз не стал. И.В. Сталин на тот момент предпочел «славянскому братству» букву договора о ненападении с Германией.

В третьей главе рассматриваются советско-югославские отношения в годы Второй мировой войны. Исследователь приводит любопытные сведения о том, насколько глубоко советская разведка проникла в ряды «буржуазного» югославского правительства в изгнании (с. 331). Здесь всплывает тема славянской взаимности, которая, по словам одного высокопоставленного югославского дипломата, превратилась в «один из рычагов советской внешней политики» (с. 333). Следовательно, романтической составляющей в ней не было.

От этой идеи были далеки и представители самого югославского правительства в изгнании. Они видели в СССР не «Русь, Россию», а именно классовое социалистическое государство, которое может грубо переломать сложившийся в Югославии социально-экономический, культурный и иной уклад (с. 345). Автор подметил разногласия, существовавшие между великими державами в годы войны. Если СССР отошел от своей прежней линии и выступил однозначно за сохранение единства страны, то США допускали независимость Хорватии (с. 348).

Отдельного внимания заслуживает анализ действий сил, выступавших на стороне Третьего рейха. Автор на основании недав-

но опубликованных в России, Сербии и Хорватии воспоминаний, публицистики и дипломатических документов подробно разобрал действия и русских коллаборационистов, и сербских союзников Гитлера, и Независимого государства Хорватия (НГХ) (с. 370–391). Следует также отметить обращение к теме воззрений представителей некоммунистических сил Словении (с. 348). В нашей стране традиционно эту бывшую республику Югославии изучают меньше, чем Сербию и Хорватию, так что данный раздел интересен сам по себе.

Очень подробно исследуется вопрос взаимоотношений Советского Союза и сербских четников (с. 364–376). В этом месте книга выступает не только как сухое исследование, основанное на источниках. Автору удалось передать всю психологическую драму, случившуюся с руководителем четников Дражей Михайловичем, который никак не мог понять, почему СССР поддерживает коммунистов, а не сербских националистов, считающих русских братьями.

Конец главы посвящен первым росткам конфликта, который разразится между КПСС и Коммунистической партией Югославии (КПЮ). И.В. Сталина раздражало, что Иосип Броз Тито и его соратники очень часто принимали решения самостоятельно, не спрашивая разрешения у Москвы. Это касалось и создания правительства в 1943 г. (с. 401), и выступления Тито в мае 1945 г. против втягивания Югославии в какую-либо чужую сферу влияния (с. 410). Таким образом, потенциал для будущего разрыва между братскими партиями был заложен еще в годы войны.

Пожалуй, ключевая глава в книге – четвертая, где рассказывается о разрыве отношений между СССР и Югославией, который случился в 1948 г. Вплоть до кончины Сталина (и даже чуть дольше) два государства стояли на грани войны. Суть противостояния отлично отражают названия подразделов главы: «Иосип Броз Тито: “Мы чужого не хотим, но своего не отдадим”», «Вячеслав Молотов: “СССР не может согласиться, чтобы его ставили перед свершившимся фактом”», «Может ли коммунист любить СССР больше, чем свою родину?»».

Одной из причин конфликта автор считает то, что в Советском Союзе плохо представляли себе психологию и чаяния народов Средней Европы. Это, в частности, отразилось в том, что в Москве остались глухи к давней мечте словенцев заполучить более-менее обширный выход к Адриатическому морю. Руководство СССР занималось расширением собственной сферы влияния (с. 427). В итоге стороны сначала жестко поспорили относительно Балкан-

ской федерации (объединения Югославии и Болгарии), а затем и вовсе разорвали отношения.

В книге достаточно подробно рассматривается возможность советского вторжения в Югославию (с. 460–466). Автор не обошел вниманием и попытки поднять против Тито «здоровые силы» внутри Компартии, и противоречия Югославии с соседними странами, и позицию США и западных союзников, и появление в Советском Союзе «антититовской» югославской эмиграции. Весьма интересно и описание попыток Югославии вести работу с другими странами социалистического лагеря, в особенности с Чехословакией (с. 493–495).

Исследователь очень много сравнивает Советский Союз и Югославию тех времен, личности вождей, методы их правления. Весьма характерно название подраздела «“Голи отток” против “Архипелага ГУЛАГ”» (с. 509), где показаны сходства и различия между двумя системами лагерей для противников коммунистической власти. Венчает главу жесткий вывод: «В 1948–1953 годах сталинизм... потерпел свое историческое поражение и в советском, и в югославском вариантах» (с. 521).

В следующей главе исследуются отношения между двумя государствами в годы правления Н.С. Хрущева (1953–1964 гг.). Автор продолжает сравнительное изучение двух стран, на сей раз проводя параллели между диссидентами внутри КПСС и Союза коммунистов Югославии (СКЮ) – Л.П. Берия и Милованом Джиласом (с. 541–542). Подчеркивается, что после смерти Сталина советско-югославские отношения существенно улучшились. В то же время данное улучшение совершенно не сопровождалось словами о «славянском братстве».

И все же до подлинного социалистического братства было далеко. Суть отношений тех лет очень хорошо отражает подзаголовок последнего подраздела главы «Никита Хрущев: “Мы еще не знаем, во что выльются наши связи с Тито”». Несмотря на прозвучавшую на XX съезде критику сталинизма, СССР не отказался от критических оценок в отношении особенностей «самоуправленческого социализма» Югославии (с. 614–615). В то же время Югославия совершенно не стремилась обсуждать свои внутренние дела с Советским Союзом.

Противоречия касались и внешней политики. К сожалению, автор не коснулся таких тем, как реакция Советского Союза на участие Югославии в создании Движения неприсоединения (1961 г.). Ведь, с одной стороны, Тито шел на сближение с Индией и Египтом, у которых с СССР были добрые отношения. С другой – создавал

собственный центр силы. Не в полной мере удалось отразить отношения Югославии и стран Запада и то, как такие отношения воспринимались в СССР.

Ключевой раздел данной главы – споры Советского Союза и Югославии по поводу кровавых событий в Венгрии осенью 1956 г. Ставший лидером антикоммунистического восстания венгров И. Надь укрылся в посольстве Югославии, а Тито выступил с критикой внешней политики СССР. Он в какой-то степени оправдал венгерское восстание, заявив, что оно было борьбой с антисталинистскими элементами (с. 588, 590–591). Учитывая такой подход югославских властей, их отношения с СССР нельзя было считать полностью дружественными.

Отношения между СССР и Югославией при Л.И. Брежневе и «позднем» И. Броз Тито рассматриваются в шестой главе. До столь же открытого противостояния, как в конце 1940-х гг., дело не дошло, но холод чувствовался. Автор очень четко обозначил суть данных противоречий: «Идеологическая доктрина СКЮ пыталась соединить в себе критику как социализма, созданного в СССР, так и “буржуазной демократии” стран Западной Европы и США» (с. 655). Потому во второй части между двумя государствами было поле для сближения, а в первой – для противостояния.

В области международных отношений между СССР и Югославией складывались весьма противоречивые отношения. С одной стороны, Социалистическая Федеративная Республика Югославия (СФРЮ) вслед за странами-участницами Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) и Организации Варшавского договора (ОВД) пошла на разрыв отношений с Израилем в 1967 г. (с. 661). С другой – в Москве с раздражением восприняли визит в Югославию президента США Р. Никсона в 1970 г. Кроме того, югославское руководство выступило категорически против ввода советских войск в Афганистан в 1979 г. и введения военного положения в Польше двумя годами позже (с. 719).

Настоящим испытанием для советско-югославских отношений стали события 1968 г. в Чехословакии. Автор показал неоднозначность отношения Тито к этим событиям. С одной стороны, он воспринял их с некоторой настороженностью, опасаясь, как бы они ни сказались на межнациональных отношениях в Югославии (с. 662). С другой – приветствовал «социализм с человеческим лицом», увидев в Пражской весне уход от сталинизма (с. 664).

Ввод советских войск Тито воспринял отрицательно. Мало того, Югославия привела собственные войска в режим повышенной боеготовности (с. 672). К сожалению, исследователь не стал

обращаться к такому сюжету, как получение убежища в Югославии деятелями Пражской весны. Было бы очень любопытно посмотреть, как данное обстоятельство отразилось на отношениях СФРЮ с СССР и другими государствами Варшавского договора.

Значительную часть главы автор посвятил событиям Хорватской весны 1971–1972 гг., а также реформаторским движениям в Сербии и Словении. Критикуя СССР за подавление Пражской весны, Тито расправился не только с открытыми антикоммунистами, но и с коммунистами-реформаторами. В Советском Союзе приветствовали данные события, и автор сделал вывод, что теперь СКЮ стала для КПСС «ближе и понятнее» (с. 708).

Критическое отношение исследователя к политике обеих коммунистических партий в полной мере проявилось в выводе по итогам шестой главы. «Старая гвардия» в КПСС и СКЮ, СССР и СФРЮ в 1960–1970-е гг. одержала “пиррову победу”, которая в конце 1980 – начале 1990-х гг. привела к застою, а затем и краху обеих партий и обоих государств» (с. 726). С такой резкой формулировкой можно соглашаться или спорить, но она лишний раз высвечивает достоинства монографии. Это не сухое изложение, а по-настоящему авторский труд с широчайшей научной основой.

Отношениям двух государств в годы перестройки посвящена последняя, седьмая глава. В ней автор первоначально изучал, насколько «самоуправляющийся социализм» Югославии повлиял на перестройку (с. 728). Советский Союз отказался от прежней политики диктата, признал свою ответственность за развязывание кризиса 1948 г. (с. 741–742). В отношениях двух стран могла наступить новая эпоха доверия. Но в действительности речь теперь шла о связях государств, доживавших последние годы. Исследователь показывает, что самоуправленческий социализм оказался ничуть не более эффективным, чем «этатистский», а югославская федерация и политическая система – не более прочными, чем советские.

Автор совершенно справедливо проводит параллели между событиями в СССР и Югославии конца 1980-х гг. (с. 760). Практически одновременно в обоих государствах начался «парад суверенитетов», все большее число политиков заявляли о желании отделиться от этих стран. В этой связи весьма интересно сравнение того, как принимали М.С. Горбачева в разных республиках СФРЮ во время его визита в 1988 г. Если более ортодоксальные сербские коммунисты во главе с Слободаном Милошевичем отнеслись к нему недружелюбно, то коммунисты-реформаторы Словении – наоборот, с симпатией (с. 750–753).

Исследователь остановил свое внимание также на том, что в 1991 г. консервативные силы в рядах как КПСС, так и СКЮ сомкнули ряды и выступили против реформ. В частности С. Милошевич, постепенно делавший ставку на национализм, поддержал Государственный комитет по чрезвычайному положению (ГКЧП). В то же время руководство Хорватии, уже заявившей о независимости, осудило попытку устранения Горбачева от власти (с. 784–788). В итоге деятели, пытавшиеся силовым путем сохранить единство своих стран, потерпели поражение и в СССР, и в Югославии.

Хотелось бы, чтобы в будущем автор обратился к такой теме, как отношение к СССР, России и русским у каждого из народов Югославии, в каждой из республик. Об этом в книге идет речь применительно уже к событиям конца 1980 – начала 1990-х гг., отчасти – Второй мировой войны и сразу же после ее окончания. Однако различия в подходах как между отдельными республиками, так и внутри каждой из них сохранялись на протяжении всего рассматриваемого в монографии временного отрезка.

В заключении автор сделал уже привычный для своей работы жесткий вывод: «Однотипность политических режимов не может предотвратить столкновения интересов государств... XX век показал, что использование во внешней политике как идей классового братства (“пролетарского интернационализма”), так и этнического родства (“славянского братства”) не гарантирует успеха» (с. 813). Такой вывод может кому-то показаться спорным, но он – однозначный, четко и ясно венчающий монографию, показывающий отношение автора к исследуемым им событиям.

«Суд истории – это не суд историка», – написал автор в самом конце (с. 827). Не стремясь выступать в качестве судьи, исследователь в какой-то степени показал себя судьей. Однако без такого «судейства» книга не имела бы одновременно и огромной научной, и высокой публицистической ценности. А так она стала безусловной вехой в развитии отечественной и мировой югославистики, славистики в целом, в изучении международных отношений.